

ПОНЯТИЕ "маленький человек" — одно из расхожих, если речь заходит о русской литературе XIX столетия. Впервые об этом типаже заговорил Виссарион Белинский. Критик, разбирая комедию "Ревизор", выдал витиеватое: "Сделайся наш гордичный генералом — и, когда он живёт в уездном городе, горе маленькому человеку, если он, считающий себя не имеющим чести быть знакомым с генералом, не поклонится ему или на балу не уступит место, хотя бы этот маленький человек готовился быть великим человеком!.. тогда из комедии могла бы выйти трагедия для "маленького человека".

Тирада весьма сумбурна, зато горяча и надрывна, как это умел неистовый Виссарион. Термин прижился, и его стали применять ко всем неудачникам и тихим обывателям с балзаминчиком на окошке. Как правило, "маленьким" оказывался чиновник со скромными запросами, ибо на размах нет ни денег, ни фантазий. В пример ставят Акакия Акакиевича Башмачкина да его хрустальную, точнее суконную, грёзу — шинель, да и ту гады отняли. Если же приглядеться, то Башмачкин отнюдь не последний горемыка империи — он титулярный советник по Табели о рангах, дворянин, работал в столичном департаменте. Макар Девушкин из "Бедных людей" — тоже титулярный. Оба "маленьких человечка" относились к разряду господ, пусть и не блещущих средь шумного бала.

Кто же тогда извозчики и приказчики, прачки и цветочницы, сапожники и шорники? А пейзаже, свободные и крепостные? Выставка "Маленький человек

дует и дом, и дело, а пока надобно лстыть, плоско острить, кланяться.

Картина Николая Шильдера "Сговор невесты" — это преддверие неравного брака. Хрупкую статуэтку отдают за антипатичного пожилого субъекта — он уже припал к тоненькой руке своей наречённой-обречённой. Мать нравоучительно указывает на большого отца, а бабушка в чепце — на икону. Дескать, живём не для радостей, а для исполнения долга. Обстановка — лапидарна донельзя. Семья дошла до скудости, а потому девочка-цветочек обязана спасти родных от полного разорения.

А тут — и совсем нерадостная фабула. "Вдовушка" Павла Федотова не менее узнаваема, чем его же "Сватовство майора". В основе — реальная история. Любочка Вишневская, беременная сестра художника, внезапно овдовела, что привело к материальным трудностям. Потеря супруга для женщины, если она, конечно, не была вдовой богача, оставившего ей миллионы, бриллианты и тысячу душ, всегда означала одно — тяготы. Практичные дамы выходили из трудных ситуаций, но Вишневская не обладала твёрдым характером. На картине — белокожая дама с печально-растерянным лицом — просто поникшая лилия.

АЛЕКСЕЙ ВЕНЕЦИАНОВ представлен сразу несколькими работами. Вот — "Крестьянская девушка с башмачками в руке". Она чем-то и а - поминает ренессансных мадонн: светла ликом и грустна взором. Держит она крохотную обувь, явно

люди как люди

Экспозиция в Музее Тропинина

больших художников", проходящая в Музее Василия Тропинина, максимально расширяет понятие, выставленное Белинским и литературоведами. Здесь и провинциальные помещики, и купеческие дочки, и подмастерья, а ещё — студенты, музыканты и крестьянки. По сути, маленькие люди — это большинство населения, а не только злосчастный Акакий, мечтающий о шинели.

Представлены как известные полотна, так и подзабытые, редко экспонируемые. Это нынче распространённый приём — показывать все грани искусства, открывать затерянное, смешивать великое и посредственное, ибо даже слабые работы дают представление о вкусах и смыслах.

Центральный экспонат — хрестоматийное "Сватовство майора" Павла Федотова, ироническая сценка, достойная пера Александра Островского. Пышная красавица, одетая по французской моде, ждёт суженого-ряженого. Ей неловко, страшно, заманчиво. Сватается не какой-нибудь бородастый мужлан в плисовом кафтане, а вояка "из благородных". В те годы всем было ясно: бравый офицер весь в долгах и балансирует на краю финансовой пропасти, поэтому нет ничего зазорного в том, чтобы заподать себя какой-нибудь Липочке из торгового сословия.

С другой стороны, девица получала титул и превращалась в дворянку, а её дети уж не будут заняты презренной negociей. Выгода на выгоде. О чём думает майор — о чарах невесты или о том, как спустит всё её приданое за картонным столом? Все в движении, лишь отец семейства замер, не понимая, как себя вести: майора не пригласишь к самовару испить чаю с медовым пряником.

Иной вариант — сюжетец Карла Шульца "Сватовство подмастерья к хозяйской дочери". Юный ремесленник оделся со всей тщательностью: на нём фрак, цилиндр, узкие брючки. Позади — дочка, бледноватая и хорошенькая. Сам хозяин, разумеющий, что за этим сватовством стоит не только симпатия, но и расчёт, произносит какую-то выспреннюю речь. Презабавны выражения лиц: у подмастерья оно масляно-лукавое, у отца — торжественное, словно он играет короля Парнишка, становившийся примаком в семействе хозяина, соотнобщает, что когда-нибудь унасле-

принадлежащую младенцу-барышне. Для юной крестьянки эти ало-розовые туфельки с лентами — нечто из иного мира. Она впервые ощущает атласную ткань лент, и это рождает восторг, соединённый с болью. Не с завистью, нет — именно с переживанием чего-то невозможного. Крепостные очень редко задумывались о своём положении, принимая его как данность.

"Мальчик, надевающий лапти" — одна из запоминающихся картин экспозиции. Венецианов изобразил милого подростка с мудро-взрослыми глазами. Крестьянские отроки мужали рано — и этот уже знает, что такое пахота и жатва. Художник писал красивых людей: не приукрашивал, а легко находил их в народе. Полотна — свидетельство того, что одухотворённые черты не зависят от происхождения.

Венецианов тонко чувствовал пространство — небольшая картина "Гумно" подтверждает сказанное. Зритель буквально чувствует и тепло солнечных лучей, и запах брёвен, и прохладу помещения. Хочется представить разговор крестьянок — они беседуют о деле, а может, сплетничают о соседях?

Картины Григория Сороки преисполнены изящества и нежности. Адепт венецианского почерка, художник живописал крестьянский быт и, как его учитель, предпочитал пасторальные мотивы. "Вид озера Молдино в "Островках", имении Н.П. Милокова" — это и дивная природа, и благорасторение, и тишь полупрозрачных небес. На переднем плане — мальчик с лодкой, вдали — строенные в модном неоготическом стиле. Видится, что автор, безусловно, счастлив. Он был привлекателен и одет как денди, высокообразован и сметлив, но при всём том числился "живым имуществом" господ Милоковых. Юридический статус — ревизская душа. Есть легенда, что старшая дочь барина влюбилась в художника, а он воспылал в ответ. Было ль это? Бог весть, но судьба Григория Сороки и без того злосчастная — он покончил с собой, причём уже после отмены крепостного права.

Ряд картин изображает помещения — то был востребованный жанр, пришедший из Германии. Там он звался "циммербильдер", что означает "картины, образы комнат". Хозяева домов и поместий заказывали художникам точную отрисовку анфилад, гостиных, столовых. "Кабинет дома в "Островках", имении

Н.П. Милокова" — это подробный отчёт о предметах, а фигурка мальчика из барского семейства — фоновая деталь. Тут и стол, заваленный бумагами, и чернильница с пером, и транспортир, и счёты, и... череп — подобные сувениры бывали нередки. На стенах — портреты предков в старинных париках, камзолах, фижмах. Низкий диванчик. Небольшие окна, а за окнами — сад. Сорока великолепно передал состояние покоя. Умиротворение буквально разлило в воздухе.

Другой ученик Венецианова Капитон Зеленцов пришёл учиться к мастеру, будучи тридцатилетним. До этого он рисовал лубки, иллюстрировал книги, писал портреты, но его работы несли на себе отпечаток дилетантизма. Венецианов обучил Зеленцова гармониям и чёткости, и тот сделался бытописателем дворянско-разночинной жизни. "Комната художника" — это посвящение коллегам. Студия чиста и уютна. Никакого творческого беспорядка — всё на своих местах. Вот — мольберт с начатым пейзажем. Сам герой картины держит на коленях левретку, очаровательную собаку-виньетку. Живописец смотрит на неё как на совершенное произведение Божье — столь эталонны линии.

В XIX ВЕКЕ почти все музицировали: кто-то умело и почти профессионально, а кто-то и похуже, курам на смех. Все на чём-нибудь играли, брэнчали, пиликали. Это — и приятный досуг, и возможность подзаработать: бедноватые дворянчики давали уроки пения и игры на фортепиано. Опять же, музыкальный талант привлекателен — героиня "Бесприданницы" оклодывала сердца пением под гитару.

К слову, гитара, особенно русская семиструнная, была популярнейшим инструментом у представителей разных сословий. Под аккомпанемент исполнялись романсы и вариации на темы народных песен. "Гитарист" Василия Тропинина — это улитанный бонвиван с холёными пальцами. Примечательно, что Тропинин создал несколько вариантов "Гитариста" — отличается одежда, но перед нами всё тот же персонаж. По одной из версий, это портрет Владимира Моркова, сочинителя "Полной школы для семиструнной гитары". Скорее всего, так оно и есть:

графы Морковы были хозяевами Тропинина. Достоянный живописец, общавшийся с московской и питерской знатью, получил вольную в возрасте сорока семи лет. Маленький человек и большой художник в одном лице.

О Николае Заваруеве известно мало: даже год его рождения не указывается в атрибуциях. Однако после него остались портреты современников — значительных и скромных. Среди экспонатов — "Портрет мужчины с лютней". С одной стороны, видна прилежность автора, но с другой — хромает рисовальная техника. Голова чересчур велика, тело кажется детским, а рука и вовсе — обезьяньей лапкой, но как филигранно выписана лютня! В первой трети XIX столетия царила мода на Средневековье и Ренессанс — это нашло отражение в архитектуре, дизайне и в дамских причёсках вроде закрученных кос "а-ля Изабелла Баварская". Лютня — один из символов романтизированных веков: мол, когда-то цвела утончённость, а герцоги покровительствовали музам.

Беседа о маленьком человеке и его заботах немыслима без картин Ильи Репина. "Приготовление к экзамену" — студенческое житьё-бытьё, которое почти никогда не бывало сытым. Два парня снимают комнатку со скудной мебелировкой. Один — за столом, второй валается на узком диванчике, задремав с учебником. Вроде бы никакой интриги, но если быть внимательным, то откроется нечто пикантное — в окошке напротив маячит фигура девушки в синем платье. Она тоже с книгой, но взирает на студента — готовый рассказик о передряках и чувственных флюидах, а там и до перепiski дело дойдёт.

Выставка увлекательна, поучительна, разнообразна, и в процессе созерцания возникает вывод: маленький человек — не жалкий, а обычный. Большинство таково, хотя поэт и утверждал, что "...мы все глэдим в Наполеоны". Впрочем, и величайший диктатор-полководец был когда-то смешным корсиканцем, над коим потешались соученики.

Галина ИВАНКИНА

Иллюстрация: «Сватовство подмастерья к хозяйской дочери». Художник Карл Шульц. 1856 г.

ВАРХИВЕ историка Сергея Семанова, который хранится сегодня в Российской государственной библиотеке, есть среди прочих документов небольшой листок, прямо сказать, клочок бумаги, на котором зелёными чернилами написано: "Вот кто сделал "М!" ("Молодую гвардию". — Ред.). И далее, в столбик, список фамилий.

Первым стоит Виктор Чалмаев. Ниже следуют один за другим Михаил Лобанов, Юрий Сергеевич Иванов, сам Сергей Семанов, критик из Ленинграда Павел Глинкин, Вадим Кожинлов, Олег Михайлов, Александр Байгушев, Анатолий Ланчиков, Виктор Петелин... Авторы журнала 1960-х годов, критики и публицисты. Над чем раздумывал Сергей Николаевич, расставляя перед фамилиями порядковые номера, не совпадающие с местом того или иного человека в списке, зачем выписывал людей, с которыми лично был знаком, которые были живы, — трудно сказать... Если это часть какого-то черновика, тогда какого? И где остальное?

Список был составлен уже после снятия с поста главного редактора журнала

Анатолия Никанова. Сергей Семанов указал дату внизу: 3 июля 1971 года. Та национально ориентированная линия, которую взяла "Молодая гвардия", могла прерваться. Из редакции уже уволились Виктор Петелин и поэт Валентин Сорокин...

Как бы то ни было, Чалмаев стоит здесь первым, и рядом с его фамилией цифра 1. Как бы то ни было, а журнал действительно делают в первую очередь публицистика и критика.

"О ценностях относительных и вечных" самого Сергея Семанова, "Просвещённое мешанство" Михаила Лобанова и, конечно, "Великие искания" и "Неизбежность" Виктора Чалмаева стали классикой русской публицистики второй половины 1960-х. Та

острота, с какой ставился русский вопрос в "Неизбежности", была усилена событиями, от редколлегии не зависящими. В августе для наведения конституционного порядка в Чехословакию были введены войска стран Варшавского договора. Номер уходил в типографию, статья появилась в сентябре...

Виктор Чалмаев начал сотрудничать с комсомольским журналом с первых лет его возобновления после XX съезда. В четвёртом номере 1957 года здесь появилась его первая статья "Чувство пути". Потом последовало несколько других, а с 1963 по 1966-й наступил перерыв. В ноябре 1965 года Виктор Чалмаев пришёл в "Молодую гвардию" в качестве заместителя главного

цией, увлекаться словом, снабжённым "погремущками" дешёвой моды, газетных сенсаций. Жизнь среди декораций — это безответственное существование в неоновой тьме, без лучей настоящего искусства. Это жизнь среди лёгких миражей, среди завывания "сирен", отвлекающих человека от всего великого и героического в жизни, уводящих его в духовный лабиринт поддельных ценностей. В этом их отрицательный общественный смысл".

Отчасти это сказано об "исповедальной" прозе, уже зашедшей к тому времени в тулик. Виктор Чалмаев отстаивал мысль о том, что носителем и хранителем главных святынь, незыблемых духовных ценностей был и остаётся народ с его

Валентин Оскоцкий упомянул о "Заквасе..." в "Новом мире" (апрель 1972 года). Та его статья о советском историческом романе носила самый "почвеннический" заголовок: "Связь времён". Чалмаев обвинялся в национальной ограниченности. Он, "проповедующий" иррациональную "буславскую стихию", иначе говоря, явление (в прошлом или настоящем) и художественное изображение характеров типа былинного богатыря Василия Буслаева, буйствующего, сильного, правдолюбивого, бесшабашного, внутренне свободного, "низводит жизненное богатство и разнообразие разных литературных характеров — социальных типов своей эпохи — до заданного прокрустова ложа "бурлацкого закваса", — поскольку весь этот психологический комплекс позиционируется в качестве особенностей национального русского характера или позволяет сделать такой акцент.

Удивительно актуальным становится у Чалмаева протопог Аввакум. Это один из тех людей своего времени, кто наряду с Ерофеем Хабаровым и Степаном Разиным ощущает, что ни официальная власть, ни каноны государства и церкви не исчерпывают Россию, ими отнюдь не ограничивается народная душа, не высказывает себя в них до конца. Стихийные попытки народа создать идеальную Россию, светлого добра и человечности, — укореняются в каких-то над-идеологических пластах общественного сознания, и они (об этом, конечно, не говорится прямо) иерархически выше, чем существующая государственная идеология. Они иррациональны и извечны — были, есть и будут одновременно. Но если всё это принять, применяя к текущим временам, значит, и марксистско-ленинская идеология не есть нечто абсолютное (а то, если угодно, и вовсе преходящее!), хотя автор к ней и обращается.

Статья сегодня звучит столь же остро, как и полвека с лишним назад. Сегодня ко всему можно добавить приставку "бизнес". Бизнес-патриотизм, бизнес-литература... Слово же во все времена требовало служения. Книга — средство становления человека. И если ты сказал пустое слово, если ты написал плохую книгу, значит, по Евангелию, дал кому-то камень вместо хлеба. И не иначе. В наши дни произошло то, чего так опасался Виктор Андреевич. Литература стала делачеством. Писатели — что борзые кобели на выставке: все увешаны премиями, одна беда: читать невозможно...

Наследие Виктора Андреевича Чалмаева огромно. Статьи и книги об Иване Тургеневе, Андрее Платонове, Александре Серафимовиче, Петре Проскуряне, Александре Солженицыне, Василии Шукшине, Михаиле Шолохове, о военной прозе, о наркомое тяжёлого машиностроения Вячеславе Мальшеве... Его путь был долгим и плодотворным. Здесь, в этой статье — только короткий эпизод, участие в журнале, который повёл ту линию, которой Виктор Андреевич всегда был верен... Хочу думать, что когда-нибудь о нём самом будет написана книга. И не одна. Пока русские хотят быть русскими, будет актуальным и его наследие, от первых его книг до учебника по литературе для одиннадцатого класса.

Виктор БОЧЕНКОВ

